*УДК 81'38:81'42*
*ББК Ш105.55+Ш105.51* *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55* *Код ВАК 10.02.19*

**А. Г. Фомин, Е. А. Мона**
Кемерово, Россия

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ СПИКЕРА-ТЕРРОРИСТА В ВИДЕООБРАЩЕНИЯХ ИГИЛ (ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАПРЕЩЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**АННОТАЦИЯ.** *В статье рассматриваются лексические особенности организации речи оратора-террориста на материале пропагандистских видеообращений боевиков ИГИЛ*. Целью данной статьи является выявление лексических средств, используемых спикером для произведения эмоционально-выразительного, зачастую скрытого, эффекта на потенциального реципиента. Террористы применяют широкий спектр стилистических приемов, а именно: метафоры, гиперболы, синекдоху, перифраз, лексические повторы и антитезу. Проводимые в настоящее время исследования подтверждают значимость применения вышеупомянутых стилистических средств для манипулирования сознанием реципиента, особенно в дискурсах с ярко выраженной суггестивной наполненностью, например, в политическом, судебном или рекламном дискурсе. Это также подтверждается тем, что, согласно исследователям, стилистически окрашенные языковые средства используются спикером для реализации функции убеждения, поскольку они позволяют достичь не только большей экспрессивности и эмоциональности высказывания, но также более высокой степени убедительности, что соотносится с установкой террориста устрашить аудиторию посредством угроз и пропагандировать свою идеологию. Частеречное членение лексикона выявило преобладание глаголов среди полнознаменательных слов, т. е. значительная роль в речи террориста отводится номинации действия, что является целесообразным при учете прагматической установки спикера — интенции устрашить реципиента посредством угроз. Наиболее употребимыми являются глаголы, обозначающие действия насильственного характера. Рассматривается также специфика употребления в текстах видеообращений местоимений, которые служат противопоставлению террористической организации и стран Запада.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *террористический дискурс; языковая личность; речевое поведение; терроризм; коммуникативное воздействие; стилистические приемы; видеообращения.*

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:** *Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: andfomin67@mail.ru.*

*Мона Елизавета Александровна, аспирант, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: elizaveta-mona@yandex.ru.*

***Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).***

Сегодня использование экстремистскими группировками и террористическими организациями информационно-коммуникативных технологий является одной из наиболее социально значимых проблем мирового масштаба. Так, для продвижения своей идеологии боевики «Исламского государства»* задействуют новейшие высокотехнологичные инструменты коммуникации, а также передовые маркетинговые стратегии, что позволяет им вызывать общественный резонанс путем манипуляции СМИ. Террористы выпускают листовки с угрожающим содержанием, используют аудио- и видеотехнику для записи обращений, которые размещают на порталах общего доступа, в связи с чем в «группу риска» попадают рядовые пользователи интернет-среды. Этим обусловлена необходимость анализа видеообращений ИГИЛ*, а также социальная значимость предпринимаемого научного исследования [Фомин, Мона 2016: 144].

Обращение террориста, прагматическая установка которого характеризуется открытой пропагандистской направленностью, изобилует различными стилистическими приемами, позволяющими наиболее эффективно оказывать на реципиента необходимое воздействие.

В ходе исследования были выявлены следующие стилистические средства, используемые в тексте обращения.

1. Метафора («скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [Арнольд 2002: 64]). Можно привести следующие примеры:
   – *the flames of war*;
   – *playing the role of the obedient lapdog*;
   – *thirsty for your blood*;
   – *you had been at the forefront of the aggression towards the Islamic state*;
   – *Your evil alliance with America which continues to strike the Muslims of Iraq and most recently bombed the Haditha Dam, will only accelerate your destruction*;
   – *Muslims from all walks of life*…
2. Гипербола («заведомое преувеличение, повышающее экспрессивность высказывания и сообщающее ему эмфатичность» [Арнольд 2002: 65]). В текстах анализируемых видеообращений были обнаружены следующие гиперболы:
   – *unwinnable war*;
   – *we are the harshest*;
   – *This is the end of every Musaidi Kaffar that we get a hold of*…;

* Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

© Фомин А. Г., Мона Е. А., 2018

– *Whether it's fifty nations or fifty thousand nations*;
– *…until we take the head of every tyrant…*

3. Синекдоха («разновидность метонимии, состоящая в замене одного названия другим по признаку партитивного количественного отношения между ними» [Арнольд 2002: 66]). Были отмечены следующие примеры:
– *This knife will not only slaughter Kenji, but will also carry on and cause carnage wherever your people are found*;
– *His blood is on the hands of the British parliament*;
– *…until the black flag* (черный флаг является символом ИГИЛ*) *is flying high in every single land*.

Последний пример также представляет собой перифраз, стилистический прием, заключающийся в «непрямом, описательном обозначении объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей».

Отметим следующие примеры перифраза:
– *Crusader* (Барак Обама) *it is the support of Allah you did not gain anything, you returned to your base with loss and humiliation*;
– *…it burns the Crusader army* (американская армия) *in Dabiq*;
– *we will break this final and last Crusade* (военные действия американских сил на территориях, подконтрольных ИГИЛ*);
– *…the first American Crusader* (Питер Эдвард Кассиг, казненный солдат американской армии) *in Dabiq*;
– *The dog of Rome* (Барак Обама).

Как следует из приведенных выше примеров, чаще всего в качестве перифраза выступают лексемы «Crusade» (Крестовый поход) и «Crusader» (крестоносец), применяемые по отношению к американским войскам на территории Ирака. Используя подобную отсылку к фактам истории, террорист возводит осуществляемые военные операции в ранг священной борьбы всего исламского мира с западным.

4. Лексические повторы, также используемые для эмфазы, нередко встречаются в речи террориста:
– *…you claim to have withdrawn from Iraq four years ago. We said to you then that you were liars, that you had not withdrawn, and if you had withdrawn, that you would return, even if after some time. You would return. Here you are. You have not withdrawn. Rather, you hid some of your forces behind your proxies and withdrawn the rest*.

5. Антитеза (противопоставление) является широко представленным стилистическим приемом в речи террориста. Основными противопоставляемыми единицами в видеообращениях являются местоимение *you* и притяжательное прилагательное *your*, обозначающие военные силы антиигиловской коалиции, и местоимение *we* и притяжательное прилагательное *our*, обозначающие собственные силы террористов:
– *You have started your aerial bombardment in Sham which keeps on striking our people, so it is only right we keep on striking the necks of your people*;
– *So just as your missiles continue to strike our people, our knife will continue to strike the necks of your people*.

Таким образом, в соответствии с результатами, полученными в ходе анализа вербальной организации речи террориста, основными стилистическими приемами на лексическом уровне являются метафора, гипербола, синекдоха, антитеза и лексический повтор. Данный факт обусловлен стремлением автора сообщения достичь максимальной эффективности эмоционального воздействия на реципиента (в целях устрашения). Гипербола также употребляется в обращении террориста для большей эмфатичности высказывания и создания образа беспощадной и непобедимой армии; метафоричность придает речи образность, а повтор лексических единиц позволяет заострить внимание реципиента на определенных фактах, лежащих в основе темы сообщения.

Примечательно, что упомянутые средства языковой выразительности применяются для оказания эмоционально-экспрессивного (часто скрытого) влияния на аудиторию не только в рамках террористического дискурса. Так, проводимые в настоящее время исследования подтверждают значимость употребления стилистических приемов для манипуляции сознанием реципиента: в рамках политического дискурса [Виноградова 2010], судебного дискурса [Коробова 2010], рекламного дискурса [Тумский 2015]. Тем не менее, несмотря на то что функции стилистических средств едины для различных дискурсов, выбор употребляемых лексических единиц обусловлен тематикой обращения и прагматической установкой спикера.

В отличие от художественного дискурса, где стилистические средства используются преимущественно для создания образности и детализации описания объектов действительности, в означенных дискурсах они служат также эффективной реализации персуазивной стратегии. Иными словами, «субъект речи использует стилистически окрашенные языковые средства в функции убеждения, добиваясь в результате не только большей выразительности и эмоциональности текста,

но и убедительности» [Зарипов 2016].

Более того, в террористическом дискурсе стилистические средства являются также инструментом суггестии (психологического воздействия на сознание реципиента, предполагающего внушение ему определенных концептуальных установок и стереотипов через эмоционально-психологическое состояние). Успешность выполнения спикером коммуникативной задачи напрямую зависит от подбора используемых языковых средств. Таким образом, тематика дискурса находит свое отражение в использовании конкретных лексических единиц.

В ходе анализа было установлено, что наиболее употребимым тропом в обращениях боевиков ИГИЛ* является метафора, которая, согласно мнению А. П. Чудинова, «превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2012: 122]. Будучи одним из основных средств придания сообщению стилистической окраски, метафора позволяет создавать яркие, запоминающиеся образы в сознании адресата. Процесс их актуализации часто является для реципиента неосознанным, протекает скрыто, а декодирование требует определенных интеллектуальных усилий, что делает метафору одним из важнейших средств идеологической ориентированности, используемых террористами для оказания необходимого влияния на психическое состояние аудитории, и позволяет террористу выполнить прагматическую установку.

Общий объем вербальной составляющей исследованных видеообращений составил 5788 лексических единиц. Применение методов корпусной лингвистики, а именно использование программного парсера, позволило нам произвести частеречное членение текстов анализируемых сообщений (на основе сопровождающих некоторые видеообращения, а также самостоятельно застенографированных скриптов) и сделать на основании полученных данных ряд выводов.

Известно, что в тексте частотность служебных частей речи, несмотря на ограниченность их количества, может в совокупности превышать частотность знаменательных. В связи с этим мы не считаем значимым для данного научного исследование их доминирование над другими частями речи в структуре частеречного членения лексикона террориста.

Особое внимание необходимо уделить тому факту, что количество употребленных в видеообращениях глаголов на 3,7 % превышает общее число существительных. На основании этого можно сделать следующее предположение: значительная роль в речи террориста отводится номинации действия, что является целесообразным при учете прагматической установки спикера — интенции устрашить реципиента посредством угроз. Данная гипотеза подтверждается тем, что наиболее употребимыми являются глаголы, обозначающие действия насильственного характера (473 смысловых глагола из 834). К обозначенной лексической группе относятся следующие глаголы:

– fight (96 словоупотреблений);
– murder (78 словоупотреблений);
– kill (62 словоупотребления);
– bomb (59 словоупотреблений);
– shoot (55 словоупотреблений);
– attack (52 словоупотребления);
– slaughter (37 словоупотреблений);
– cut (34 словоупотребления).

Оставшиеся смысловые глаголы (361) могут быть отнесены к разряду общей лексики, вследствие чего могут не рассматриваться в рамках текущего исследования.

Необходимо также указать на особенности, связанные с употреблением террористами личных и объектных местоимений. В текстах видеообращений неоднократно используются местоимения *we* и *us*:

– *We take this opportunity to warn those governments that enter this evil alliance of America against the Islamic State to back off and leave our people alone*;
– *It means nothing to us*;
– *We're here in the 17th Division military base just outside the city of Raqqa. And we're here with the soldiers of Bashar*;
– *Until the black flag is flying high in every single land; these weapons that we have, these soldiers, we will not stop fighting, we will not put down our weapons until we reach your lands, until we take the head of every tyrant and until the black flag is flying high in every single land. Until we put the black flag on top of Buckingham Palace, until we put the black flag on top of the White House, we will not stop, and we will keep on fighting. And we will fight you, and we will defeat you*.

Как иллюстрируют приведенные примеры, местоимение *we* используется террористами довольно часто (193 раза). Примечательно, что в данное понятие закладывается глубинный смысл — под *we* спикеры подразумевают не только бойцов ИГИЛ*, но и мусульман, поддерживающих их политику:

– *We are an Islamic army, and a state that has been accepted by a large number of Muslims worldwide. So effectively any aggression towards the Islamic State is an*

*aggression towards Muslims from all walks of life who have accepted the Islamic caliphate as their leadership*.

Более того, таким образом спикер отождествляет себя со всей террористической организацией, подчеркивается, что его слова отражают не личное видение происходящих событий, а позицию всей социальной группы. Этим также обусловлено нечастое использование личного местоимения *I* в текстах видеообращений. Подобные примеры были отмечены нами лишь в 4 видеозаписях из 17:

– *I'm back Obama, and I'm back because of your arrogant foreign policy towards the Islamic state*;
– *This message I deliver to you…*;
– *I say this about your coalition: you threaten us with your countries*;
– *I was one of you: I was a typical Canadian. I grew up on the hockey rink and spent my teenage years on stage playing guitar. I had no criminal record. I was a bright student and maintained a strong GPA in university…*

Наиболее значимым является последний из представленных примеров, поскольку в данном случае террорист умышленно акцентирует внимание на своей личности. Подобный прием используется в целях пропаганды: намеренная типизация личности («I was a typical Canadian») является способом рекрутирования новых членов террористической организации.

Несмотря на частое применение местоимения *we*, количество употреблений местоимения *you* в исследуемых видеообращениях значительно превышает указанный ранее показатель: общее число употреблений составляет 285 случаев. При детальном анализе материала становится очевидным фигурирующее во всех обращениях противопоставление идеологий «Исламского государства»* и стран Запада.

Оппозиция *we* — *you* является лейтмотивом выступлений террористов:

– *Because we have Allah, which is something you do not have…*;
– *You, like your foolish allies in the satanic coalition, have yet to understand that we by Allah's grace are Islamic caliphate with authority and power*.

Примечательно, что в большинстве случаев в роли лиц, к которым обращены местоимение *you* и притяжательное прилагательное *your*, выступают бывший президент США Барак Обама (в 5 видеообращениях из 17) и бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон (2 видеообращения из 17):

– *Here you are now, Obama…*;
– *Obama, you have learned a new lesson…*;
– *Obama, you wage war against Allah…*;
– *…but we say to you Obama…*;
– *…just as your predecessor Tony Blair did…*

В ряде примеров местоимение *you* выступает в роли обобщения для всех граждан страны, к которой обращается спикер:

– *This message I deliver to you, the people of America, I deliver this message to you, the people of Britain, and I deliver this message especially to you, the people of Australia.*

В некоторых случаях местоимение *you* является обращением спикера непосредственно к зрителю:

– *You can see them now digging their own graves*.

(В этот момент фокус камеры перемещается на пленных солдат, копающих могилы на заднем плане.)

Анализ лексики, употребляемой террористами в ходе видеообращений, позволил также выделить ряд тематических групп, определение которых значимо для данного научного исследования.

**1. «Военная терминология».**

Данная тематическая группа является наиболее широкой и представлена такими лексемами, как *division*, *military*, *soldiers*, *officers*, *artillery*, *shells*, *guns*, *war*, *arms*, *army*, *bases of operation*, *military aggression*, *Royal Air Forces*, *military efforts*, *casualties*, *insurgency*, *bombardment*, *troops*, *bombings*:

– *Today your military air force is attacking us daily in Iraq*;
– *Obama, you wage war against Allah*;
– *…because of your insistence on continuing your bombings…*

Превалирование данной терминологической системы над остальными слоями лексики в рамках видеообращений террористов, очевидно, обусловлено экстралингвистическими факторами, а именно протекающими в данный момент военными столкновениями боевиков ИГИЛ* с вооруженными силами различных мировых держав. Примечательно, что для номинации членов своей организации выступающие используют преимущественно термин *soldiers* («…and this is how with these small numbers of soldiers that we have, we take these massive victories…»). Вероятно, данный факт обусловлен необходимостью создания у реципиента образа ИГИЛ* как отлаженного военного механизма, настоящей армии, а не вооруженного террористического бандформирования.

**2. «Религиозная лексика».**

В данную тематическую группу входят следующие лексические единицы: *Allah*, *Muslims*, *Islamic*, *Kuffar*, *Qu'Ran*, *Muhammad*, *Caliphate*, *Satanic*:

– *Six of the soldiers of the caliphate faced*

*400 of your children*;

– *And with Allah's permission, we will break this final and last Crusade, and the Islamic State will soon…begin to slaughter your people on your streets*.

Наличие лексики данного тематического блока в текстах видеообращений обусловлено религиозной философией членов террористической организации ИГИЛ*. Упоминая в речи вышеперечисленные лексические единицы, террористы отождествляют себя со всем исламским миром, призывая его к содействию в войне против западной цивилизации. Более того, таким образом они оправдывают свои действия, совершаемые (по их мнению) в рамках дозволенного религией («We are the warriors of Allah!»).

Эта мысль находит отражение и в названии самой террористической организации («Исламское государство»*). Следует также отметить, что в текстах видеообращений слово *Crusade* трижды употребляется наряду с *war* для обозначения проводимых боевых операций. Таким образом, диктор сознательно предпринимает попытку представить действия террористической организации не как военный конфликт, а как священную войну.

**3. «Политическая терминология».**

Данная тематическая группа представлена такими лексическими единицами, как *political*, *parliament*, *government*, *foreign policy*, *citizen*, *president*:

– *We take this opportunity to warn those governments*…;

– *This is Peter Edward Kassig, a U.S. citizen of your country*.

Факт использования данных лексических единиц в рамках речевых сообщений обусловлен тем, что последние адресованы (в большинстве случаев) не случайному реципиенту, а американскому (нередко используется прямое обращение «Obama»), британскому или японскому правительству.

**4. «Насилие».**

В данную группу входят такие лексемы, как *blood*, *bloodshed*, *slaughter*, *carnage*, *murder*, *kill*, *death*. Слово *blood* является наиболее частотным элементом данной тематической группы (встречается в текстах видеообращений 12 раз):

– *Alan Henning will also be slaughtered but his blood is on the hands of the British parliament*;

– *An entire army thirsty for your blood*.

Использование данных слов обусловлено нескрываемой интенций говорящего создать эффект устрашения реципиента, подчеркнуть серьезность намерений террористической организации. Примечательно, что данные лексемы используются выступающим и для описания действий, совершаемых вооруженными силами мирового сообщества по отношению к членам ИГИЛ*, что создает образ ожесточенной кровопролитной войны. Необходимо обратить внимание на тот факт, что слово *slaughter* применяется террористами исключительно для описания действий, совершаемых против заложников и противников организации «ИГИЛ»*, в то время как для описаний ситуации гибели членов этой террористической группы употребляется слово *murder*. Правомерно заключить, что для описания убийства своих врагов террористы намеренно используют более образную лексику с отрицательной коннотацией для унижения противников и осуществления психологического давления, в то время как гибель своих соратников выступающие от лица ИГИЛ* преподносят как преступление, «убийство».

При анализе лексем, используемых террористами по отношению к своим противникам (*evil alliance*, *foolish allies*, *dogs*, *obedient lapdog*, *satanic coalition*), было установлено, что слово *foolish* употребляется в 5 видеообращениях из 17 в контексте оценки действий, предпринимаемых руководителями стран, активно участвующих в боях против ИГИЛ*. Характеризуя деятельность противника таким образом, террористы пытаются убедить реципиента в бессмысленности, иррациональности действий, совершаемых мировыми лидерами. Данный эффект усиливается благодаря частотному употреблению словосочетания *unwinnable war*, появляющегося в текстах двух видеообращений.

Кроме того, словосочетание *satanic coalition*, применяемое в отношении объединенных сил государств, воюющих с ИГИЛ*, свидетельствует о непрекращающейся попытке адресанта сообщения убедить реципиента в правоте своих действий, что в конечном счете позволяет сделать вывод о ярко выраженной пропагандистской направленности данных видеообращений.

Можно сделать вывод, что лексическая оформленность речевого поведения террориста характеризуется использованием лексики, принадлежащей тематическим группам, наличие которых обусловлено экстралингвистическими параметрами, а именно: религиозной приверженностью и политическими взглядами адресанта сообщения, фактом его участия в боевых действиях, а также прагматической установкой выступающего, заключающейся в необходимости создания устрашающего эффекта. В связи с тем, что речь в обращениях является подготовленной и несущей пропагандистский

характер, отсутствуют слова-паразиты. Речь террориста является экспрессивно окрашенной, в большинстве случаев лексика имеет отрицательную коннотацию, поскольку обращения имеют открытый враждебный характер по отношению к адресату, который прямо обозначен в 8 случаях из 17: *American government*, *Obama*, *British Government*, *The government of Japan*.

Кроме того, с точки зрения лексической организации выступление террориста строится таким образом, чтобы представить совершаемые ИГИЛ* действия как оправданные, справедливые, не идущие против норм, предусмотренных религиозной конфессией, в то время как по отношению к противнику террорист намеренно использует слова с ярко выраженной негативной коннотацией и представляет его действия как аморальные, невежественные и не имеющие смысла.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. Изд. 4-е. — М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.

2. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95—101.

3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 242—245.

4. Дружков К. А., Фокина М. А. Анализ толерантности блогов политиков с использованием компьютерного инструментария и квантитативных методов // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 59—62.

5. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. — М. : Р. Валент, 2016. 220 с.

6. Злоказов К. В., Сафронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 247—253.

7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

8. Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р. Игры с разумом, или Приемы и средства информационно-психологического воздействия в практике религиозно-политического экстремизма // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. Пятигорск, 2015. № 1. С. 270—272.

9. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.

10. Коробова Е. А. Методы речевого воздействия в судебной речи // Московский городской психолого-педагогический университет. 2010. С. 67—74.

11. Тумский С. В. Концептуальное картирование эксплицитных и имплицитных средств воздействия в рекламном тексте (на материале англоязычной мультимодальной печатной рекламы) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2015. 181 с.

12. Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Алексеев К. И., Латынов В. В., Цепцов В. А. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. — СПб. : Алетейя, 2000.

13. Фомин А. Г., Мона Е. А. Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста // Речевое воздействие в политическом дискурсе : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1—3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 144—146.

14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Флинта : Наука, 2012. 265 с.

15. Jones L. The Power of oratory in the medieval Muslim world. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. 298 p.

**A. G. Fomin, E. A. Mona**
Kemerovo, Russia

**LEXICAL PECULIARITIES OF TERRORIST'S SPEECH IN ISIS VIDEO MESSAGES**

**ABSTRACT.** *The article describes lexical features of the speech pronounced by a terrorist on the basis of propaganda videos of ISIS members. The goal of the article is to identify lexical means used by the speaker to produce emotional effect, often implicit, on the listener. Terrorists use a wide range of stylistic means to manipulate: metaphors, hyperboles, synecdoche, periphrasis, lexical repetition and antithesis. Contemporary studies prove the importance of these stylistic devices to manipulate the listener's view, especially in discourses of suggestive nature, for instance in political, legal or advertising discourses. This statement is supported by the researchers who argue that stylistically colored vocabulary is used by the speaker to persuade as it allows to add expressiveness and emotional coloring to the utterance and helps terrorists intimidate their listeners and propagate their ideology. Parts of speech analysis revealed the verb dominance among other notional words, in other words much attention in terrorist's speech is given to actions, which is quite natural due to the pragmatic goal of the speaker – to intimidate the listener with the help of threats. Most frequent are the verbs denoting violent acts. The features of pronouns used in terrorist's videos are also analyzed; pronouns help to contrast the terrorist organization and the Western countries.*

**KEYWORDS:** *terrorist discourse; linguistic persona; verbal behavior; terrorism; speech manipulation; stylistic devices; video address.*

**ABOUT THE AUTHORS:** *Fomin Andrei Gennadievich, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

*Mona Elizaveta Aleksandrovna, Post-graduate Student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

**REFERENCES**

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk : ucheb. dlya vuzov. Izd. 4-e. — M. : Flinta : Nauka, 2002. 384 s.

2. Vinogradova S. A. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 2. S. 95—101.

3. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 242—245.

4. Druzhkov K. A., Fokina M. A. Analiz tolerantnosti blogov politikov s ispol'zovaniem komp'yuternogo instrumentariya i kvantitativnykh metodov // Novoe slovo: aktual'nye problemy yazykoznaniya, literaturovedeniya i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. — Kirov : Raduga-PRESS, 2015. S. 59—62.

5. Zaripov R. I. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monogr. — M. : R. Valent, 2016. 220 s.

6. Zlokazov K. V., Safronova A. Yu. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoe gosudarstvo» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 247—253.

7. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : EKSIMO-Press, 2001.

8. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Igry s razumom, ili Priemy i sredstva informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya v praktike religiozno-politicheskogo ekstremizma // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. Pyatigorsk, 2015. № 1. S. 270—272.

9. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—199.

10. Korobova E. A. Metody rechevogo vozdeystviya v sudebnoy rechi // Moskovskiy gorodskoy psikhologo-pedagogicheskiy universitet. 2010. C. 67—74.

11. Tumskiy S. V. Kontseptual'noe kartirovanie eksplitsitnykh i implitsitnykh sredstv vozdeystviya v reklamnom tekste (na materiale angloyazychnoy mul'timodal'noy pechatnoy reklamy) : dis. … kand. filol. nauk : 10.02.04. — M., 2015. 181 s.

12. Ushakova T. N., Pavlova N. D., Alekseev K. I., Latynov V. V., Tseptsov V. A. Slovo v deystvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa. — SPb. : Aleteyya, 2000.

13. Fomin A. G., Mona E. A. Sintaksicheskie osobennosti organizatsii zvuchashchey rechi terrorista // Rechevoe vozdeystvie v politicheskom diskurse : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 1—3 dek. 2016 g.) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 144—146.

14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. Izd. 4-e. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 265 s.

15. Jones L. The Power of oratory in the medieval Muslim world. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. 298 p.